

А. В. КУХАРУК

РЕФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ НИКОЛАЯ I
В 1830-е ГОДЫ

Время правления Николая I — один из наиболее интересных и важных периодов в истории России. Его можно рассматривать и как целую эпоху¹. Изучение ее продолжает оставаться одним из приоритетных и одновременно проблемных направлений исторической науки как в современной России, так и за ее рубежами. Однако, несмотря даже на исследования последних лет, николаевская эпоха во многом остается «землей неизвестной» не только для общественности, но и для профессиональных историков².

Вероятно, это связано и с тем, что как ни парадоксально, но оценки данного периода характеризуются определенным единообразием, преимущественно в обобщающих трудах. Характер и причины прочности такой тенденции блестяще охарактеризованы в недавней работе М. М. Шевченко³.

Для характеристики упоминаемой традиции, и как штрих для определения ее направленности, позволим небольшую выдержку

---

1 Гершензон М. О. Эпоха Николая I. М., 1911; Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925; Schieman Tr. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin: 1908–1913. Bd. I–III.; Николаевская эпоха // Император Николай I. М., 2002. С. 31–47.

2 См.: Выскочков Л. В. Император Николай I. Человек и Государь. СПб., 2001. С. 74–135; Филин М. Д. На возвращение великого Государя // Император Николай Первый. М., 2002. С. 5–30.

3 Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация / Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 281–302.

из высокопрофессионального обобщающего исследования: «О том, как польское восстание 1830–31 гг. ускорило осознание имперской элитой военно-стратегической уязвимости России в условиях крепостного права, см. недавнюю работу: Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 209–241. Каган показывает, что тревога Николая и его ближайших советников за безопасность империи в начале 1830-х гг., по сути дела, предвосхищала смятение, пережитое властью после Крымского поражения (??)»⁴.

В очередной раз общественному сознанию мимоходом предлагается для закрепления мысль о крепости правящей элиты России «задним умом», о вызревании реформ из смятения перед условным «Западом».

Необходимость реформирования как поземельных отношений, так и вооруженных сил, была очевидна для правительств Александра I, а затем и Николая I задолго до ноябрьского восстания в Варшаве и Русско-польской войны 1830–31 гг.⁵ Естественно, что непрерывный цикл войн 1826–1831 гг. внес некоторые коррективы в представление о приоритетности тех или иных преобразований; но сами они имели органический характер, развиваясь в русле, заданном военной наукой с начала 19 в. Проблемы, связанные с реформированием Вооруженных сил, неоднократно рассматривались на заседаниях «Комитета 6 декабря», прорабатывались в Главном штабе под руководством И. И. Дибича⁶.

На основаниях, сформулированных после длительной предварительной работы, 1 мая 1832 года был принят «Проект образования Военного министерства». В нем нашли должное отражение основные принципы военных реформ. При этом сам «Проект» признавался примерным, то есть открытым. Исходя из представленных оснований, начались изменения собственно в отрасли военного управления⁷.

План реформирования военно-сухопутного управления в соответствии с «Проектом» был изложен А. И. Чернышевым в докладной записке Николаю I от 23 июня 1832 года. Сделав краткое обозрение порядка военного управления и наметив пути его реформирования, А. И. Чернышев проводит идею о нецелесообразности сохранения в мирное время разделения военного управления на Главный штаб и Военное министерство. Это разделение, которое соответствовало и в мирное время после установления в 1815 году правил управления на основании «Учреждения для управления Большой

4 Миллер А. И., Долбилов М. Д. От конституционной хартии к режиму Паскевича // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 119.

5 См. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

6 Сборник Российского исторического общества. Т. 98.

7 ПСЗ II. Т. VII. N 5318. Проект образования Военного министерства; Проект образования Военного министерства. СПб., 1832.

действующей армией». Но вследствие недоработанности «Учреждения», спешно созданного в 1812 году, возникли различные противоречия, в частности, в области разделения прав и ответственности между начальником Главного штаба и военным министром⁸.

По высочайше утвержденному «Положению» 12 декабря 1812 года, повторно подтвержденному в 1815 году, Главный штаб состоял из: начальника штаба, военного министра, генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектор инженера, генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, генерал-провиантмейстера, генерал-криг-комиссара, генерал-аудитора, генерал- и флигель-адъютантов, коменданта Императорской квартиры, генерал-вагенмейстера, генерал-инспектора медицинской части, капитана над вожатыми, обер-священника. Соответственно единообразную структуру впервые получили штабы армий и корпусов.

С 1815 года начальник Главного штаба концентрировал в своих руках ведение военных и строевых вопросов. Военный министр отвечал за военно-хозяйственную часть. Однако, будучи подчиненным начальнику Главного штаба по военным делам и стоя ниже по старшинству, военный министр имел самостоятельность в хозяйственной части, что вызывало определенное противоречие в вопросах подчиненности нижестоящих структур и делопроизводству по инспекторской части, инженерной, по части генерал-квартирмейстера и т. д. Исходя из этих соображений, А. И. Чернышев, который к 1832 году исполнял должности начальника Главного штаба и военного министра, предложил способы преобразования военного управления. В их основу была положена идея об объединении двух главных частей: чисто военной, фронтальной и хозяйственной в одном ведомстве.

Речь шла о слиянии структур Главного штаба и Военного министерства в один состав под названием или Главного штаба, или Военного министерства. Помимо этого, А. Чернышев предложил создать две канцелярии: общую и особенную для дел секретных, не относящихся к точному ведению определенных отраслей управления, о наградах, определении и увольнении, о доносах и жалобах на действия должностных лиц. Ввести новый порядок управления предполагалось путем издания указа Правительствующему Сенату, определяющего новые отношения между присутственными местами и должностными лицами⁹.

Николай I внимательно изучил предложения министра. В идеях военного министра было много привлекательного, но они вызвали и определенные сомнения. Концентрация руководства всеми сухопутными силами в руках одного человека, хотя и близкого царской семье, очевидно, не могла получить безоговорочную под-

8 Учреждение для управления Большой Действующей армии. СПб., 1812. Ч. 1–4.

9 Столетие Военного министерства. Приложение к Т. 2. СПб., 1902. Приложение 1–2.

держку императора, не говоря уже о его окружении. Помимо всего прочего, управление фронтовой частью и военным хозяйством требует разных личностных качеств, которые практически невозможно совместить в одном человеке. Поэтому Николай I, считавший, что наиболее удачной является коллегиальная система управления в соединении с личной ответственностью, внес свои изменения и предложил переработать проект. Император лично доработал план преобразования военного управления¹⁰.

На основании его замечаний в концепцию А. И. Чернышева были внесены существенные изменения. Предусматривалось, что военный министр получит в ведение всю военную часть, станет докладчиком по всем частям военного ведомства. Но вся хозяйственная часть переходила в подчинение Военному совету при Военном министерстве, в том числе департаменты: артиллерийский, инженерный, комиссариатский, провиантский, медицинский, хозяйственная часть военных поселений поступали в коллегиальное управление Совета. Таким образом сохранялось разделение ответственности в фронтовой и хозяйственной частях. Военный министр председательствовал в Военном совете, хотя и не был старшим по чину. Дела совета решались большинством голосов. Наименование Главный штаб в мирное время упразднялось, но сохранялось титулирование по Главному штабу для лиц, его раньше составлявших. В случае необходимости штаб легко возрождался. Реформировалась и канцелярия при военном министре. Она делилась на части: а) хозяйственную — по делам, подлежащим ведению Военного совета; б) собственно военную при министре.

Из подчинения Военного министра выводился Аудиторат, составлявший особый департамент Военного министерства, во главе с генерал-аудитором. Причем Верховный военный суд составлялся на сходных основаниях с Военным советом из генералов по выбору. Учтя эти указания, генерал-адъютант Чернышев представил еще два доклада¹¹.

С 1 июля 1832 года начала действовать Комиссия по преобразованию Военного министерства, уже 11 июля был сформирован Военный совет. Ему была поручена координация хода военных преобразований. В том же году на основании «Положения 4 октября 1830 года» была создана Академия Генерального штаба¹².

О продуманности и планомерности реформ свидетельствует последовательное создание целого ряда комитетов, занятых подготовкой к реформированию различных отраслей военного хозяйства. В их числе: Комитет по преобразованию армейской пехоты, Комитет по Действующей армии, Комитет по преобразованию кавалерии¹³.

¹⁰ Там же. С. 57–60.

¹¹ Там же. Приложение 3–4.

¹² ПСЗ II. Т. V. № 3975. Положение о Академии Генерального штаба.

¹³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 2–28 (О переформировании армейской пехоты); Ф. 14014. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–12 (О составе армии...); Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–106.

Достаточно четко прослеживается стремление Николая I к максимальной унификации принципов деятельности Военного министерства с другими министерствами, но с учетом специфики военной отрасли. А. И. Чернышев должен был обратиться за консультациями к М. М. Сперанскому для согласования «Наказа Военному министерству» с пределами ответственности других ветвей государственного управления. Редакционная комиссия уделила много внимания приведению «Наказа Военному министерству» в соответствие со «Сводом Законов Российской империи»¹⁴.

После длительной работы по согласованию разных ветвей законодательства, 29 марта 1836 года был издан указ Правительствующему Сенату и утвержденные «Учреждение Военного министерства», «Общий штат министерства», «Положения о порядке производства дел в министерстве»¹⁵.

Параграф первый «Образования Военного министерства» предусматривал, что «в порядке государственного управления, ведомству министерства Военного принадлежат все Военно-сухопутные силы, в их составлении, устройстве, продовольствии, снабжении, вооружении, размещении, движении и действии»¹⁶.

То есть все Военно-сухопутные силы находились в ведении Военного министерства, но никак не военного министра, что нельзя не учитывать, особенно сравнивая реформы 30–40-х годов с реформами 60–70-х годов 19 века. Согласно параграфу 2: «Министерство составляют: 1) Главный штаб, 2) Военный совет, 3) Генерал-аудиторат; департаменты: 4) Генерального штаба, 5) Инспекторский, 6) Артиллерийский, 7) Инженерный, 8) Комиссариатский, 9) Провиантский, 10) Военных поселений, 11) Медицинский, 12) Аудиторский, 13) Канцелярия министерства. А также различные учреждения и лица, при Военном министерстве состоящие и к нему причисленные»¹⁷.

Во главе министерства поставлены Главный штаб его императорского величества, Военный совет и Генерал-аудиторат. Налицо разделение властей и сочетание коллегиальности в управлении с принципами единоначалия, а также сохранение самостоятельности важнейших частей военного управления. В то же время, пост военного министра оставался ключевым для деятельности министерства. Именно министр председательствовал в Военном совете, был докладчиком государю по военным вопросам. Но Военный совет и Аудиторат сохранили самостоятельность в решениях в сфере своей компетенции. Лишь в случае особой позиции военного министра спорное дело представлялось для решения государю. К ведом-

(О переформировании кавалерии...)

¹⁴ Журнал министерства юстиции. № 1. СПб., 1916. С. 233–245.

¹⁵ ПСЗ II. Т. XI. № 9038. Учреждение Военного министерства. СПб., 1836.

¹⁶ Там же. П. 1.

¹⁷ Там же. П. 2.

ству Военного совета стала принадлежать и разработка военного законодательства¹⁸.

Разработка и принятие «Наказа Военному министерству», определявшего компетенцию различных частей министерства и пределы их ответственности, имели очень важное значение. Если «Учреждение Военного министерства» было принято в 1812 году, то «Наказ» не был разработан¹⁹. В числе наиболее важных положений «Наказа» стало точное определение обязанностей военного министра. Например, отношения военного министра к Генерал-Аудитору: «В тех же отношениях, в каких министр юстиции к Правительствующему Сенату»²⁰. В основном же функции министра превращались в надзирающие и контролирующие, исключая лишь круг дел, которые находились в его непосредственном ведении. Но при этом подчеркивалось: «Существо власти Военного министра основывается на началах Учреждения министерств, единственно к порядку исполнительному: никакой новый закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего не могут быть установлены властью Военного министра»²¹. Еще более жестко ограничивалось его вмешательство в область строевого управления: «При инспекции войск и мест, относящихся к компетенции главнокомандующего армии, он в случае каких-либо беспорядков или неисправностей сносится с главнокомандующим»²².

Становится очевидным, что военный министр, обладая значительной властью, фактически представляя высшее управление Военно-сухопутными силами, являлся лицом, по сути, исполняющим волю Императора, и осуществлял функции высшего управления только в части Военного министерства, ему непосредственно подведомственной, и в частях войск, ему непосредственно подчиненных. К ним относились 5-й и 6-й армейские корпуса, резервные и запасные части. В других случаях он был вынужден действовать, обращаясь к лицам, которым войска непосредственно подчинялись: главнокомандующему армией, командующим отдельными корпусами²³. Естественно, ограничивались права министра в отношении решений Военного совета, Аудитора, хозяйственной части министерства, тем более артиллерийского и инженерного департаментов²⁴.

Учитывая вышеизложенное, не приходится говорить о существовании излишней централизации военного управления. При такой системе управления правительство создавало управленческий баланс в Военном ведомстве, это и оптимизировало управленче-

18 Там же. П. 5.

19 Там же. П. 425–445.

20 Там же. П. 443.

21 Там же. П. 556.

22 Там же. П. 563.

23 Там же. П. 641.

24 Там же. П. 583, 639, 572, 712–713.

ские структуры, и делало практически невозможным использование кем-либо войск для заговора или в личных целях. Ключевые полномочия по строевому управлению войсками передавались на места: главнокомандующему Действующей армией, командующим отдельными корпусами. Вероятно, под излишней централизацией военного управления в литературе обычно понимается подчинение всех достаточно самостоятельных органов Военного ведомства не министру, а лично Николаю I.

В целом, вследствие реформы начала 30-х годов 19 века Военное ведомство получило хорошо продуманную, стройную систему административной, соответствующую военной науке и специфике военной отрасли, согласованную как с практическими потребностями войск, так и с прочими отраслями государственного механизма.

Несмотря на то, что министр состоял докладчиком по военным вопросам, другие лица, составлявшие Военный совет, находились в достаточно близких отношениях с императором, чтобы найти возможность обратиться к нему в случае столкновения ведомственных интересов и представить дело в более выгодном для себя ключе. Тем более это касалось главнокомандующего Действующей армией И. Ф. Паскевича, командующего Гвардейским и Гренадерским корпусами, генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектор-инженера великого князя Михаила Павловича — лиц, несомненно, более близких императору, чем А. И. Чернышев, а также имевших преимущества старшинства. При этом мы видим, что лишь часть функций начальника Главного штаба переходила к военному министру в мирное время, а собственно поле деятельности прежнего Военного министерства в расширенном виде перешло в компетенцию Военного Совета. Основные функции Главного штаба в мирное время переходили в ведение Главного штаба Действующей армии, Главного Штаба Гвардейского и Гренадерского корпусов, то есть приближались к органам строевого управления войсками.

С преобразованием Военного министерства на новых основаниях продолжалась работа по согласованию его деятельности с другими отраслями управления. В октябре 1836 года было принято «Положение об изменении законов»²⁵. С целью разделения и уточнения функций генерал-фельдцейхмейстера и Военного министерства был принят соответствующий закон в 1838 году²⁶, а также практически аналогичное «Положение о генерал-инспекторе по инженерной части»²⁷. Эти ведомства традиционно сохраняли значительную самостоятельность и могли достаточно гибко реагировать на запросы войск.

Параллельно с реформой Военного министерства, как органа высшего военного управления, происходило и реформирование строевого

25 ПСЗ II. Т. XI. № 9038. Положение об изменении законов.

26 Там же. № 11170.

27 Там же. № 11171.

управления, организационной структуры войск. Переформирование войск начали с крупнейшего рода войск — пехоты. В состав комитета по ее реформированию помимо лиц Главного штаба вошли начальники штабов 1-й и Действующей армии А. И. Красовский и М. Д. Горчаков. Комитет действовал чрезвычайно оперативно и к декабрю 1832 года разработал «Проект положения о преобразовании Армейской пехоты»²⁸. Основу изменений определяла идея о необходимости иметь войска способные, в случае необходимости, действовать на различных театрах военных действий. Предполагалась общая унификация управления при сохранении гибкой организационной структуры. В целях экономии и повышения боеспособности предлагалось сократить количество дивизий и полков при доведении количества пехоты до штатного состава, смягчая традиционный бич Российской армии — некомплект войск и слабость боевого состава полков, при раздутых штабах и массовом отвлечении личного состава. Высвобождавшиеся от количественного сокращения управлений полков и дивизий средства направлялись на улучшение содержания войск²⁹.

В действующей пехоте преобразовывались отдельный Гренадерский корпус и 6 армейских пехотных корпусов, 23 пехотные дивизии. В штатный состав каждого корпуса вошли 3 пехотные дивизии. В состав Гренадерского — соответственно 1–3 Гренадерские, каждый армейский корпус состоял из трех пехотных дивизий соответствующей нумерации (например, 1-й корпус из 1–3, 5-й из 13–15 дивизий). В состав каждой дивизии входило две бригады. Все полки первых бригад гренадерских и пехотных дивизий, соответственно именовались гренадерскими и пехотными. Они как бы хранили традиции линейной или тяжелой пехоты. Вторые же бригады состояли из полков карабинерных в Гренадерском корпусе и егерских в пехотных корпусах, более приспособленных к действиям в рассыпном строю. Отдельный Кавказский корпус получил две дивизии, затем их число также было доведено до трех.

Пехотные полки носили красные и белые погоны, егерские светло-синие и зеленые. Количество управлений дивизий уменьшилось на 4, бригад на 30, полков на 62. Изменилась роль 22–23 дивизий. С целью унификации управления они вошли в состав Оренбургского, Сибирского корпусов и войск, в Финляндии находящихся. В эти дивизии, не имевшие полковой структуры, сводились линейные батальоны, размещенные в соответствующих регионах. В результате управления данных дивизий представляли собой территориальные органы, руководящие местными войсками, но сохранявшие общий порядок службы³⁰.

28 ПСЗ II. Т. VIII. № 5943. Положение о преобразовании армейской пехоты. СПб., 1833.

29 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 3–47. (О преобразовании пехоты).

30 ПСЗ II. Т. VIII. № 5943. П. 1–12.

Одновременно реорганизовывался кадр резервных войск. При каждом из армейских корпусов формировались резервные дивизии, пребывающие в кадрированном составе и состоящие из батальонов половинного штата. В Гренадерском корпусе полки вводились 3-х батальонного состава, в пехотных корпусах 4-х. Колоссальная работа по переформированию пехоты, массовые перемещения войск производилось в основном в течение двух лет — 1833–1834³¹.

Еще более сложную задачу представляло реформирование кавалерии, но и здесь сохранялись общие организационные принципы. Такое единство достигалось в том числе тем, что над проектом изменений по существу работала та же комиссия, только А. И. Красовский и М. Д. Горчаков с отбытием в войска заменялись графом А. Д. Гурьевым и генерал-адъютантом В. Ф. Адлербергом, что и было заранее предусмотрено³². Преобразованию кавалерии уделялось сравнительно большее внимание, в 19 веке кавалерия по-прежнему считалась основными мобильными ударными частями. И именно накануне реформ она находилась в тяжелом кризисе³³.

Программные положения о реформировании кавалерии можно разделить на три части. Первую часть составляют предложения по переформированию кавалерии, вторую часть — предполагаемые последствия, к которым оно должно привести, и, наконец, третью часть — непосредственные распоряжения по проведению переформирования³⁴.

В центре внимания при реформе кавалерии стояло повышение ее эффективности с учетом опыта войн начала века, и особенно войны 1830–1831 годов. Как и раньше, сохранялось деление кавалерии на тяжелую и легкую. Тяжелая кавалерия оставалась мобильной ударной силой и состояла из полков кирасир. Легкая кавалерия выполняла различные функции по обеспечению действий пехоты. Особое место занимали столь любимые Николаем I драгуны. По своему назначению они приближались к тяжелой кавалерии, но в николаевское время первые восемь эскадронов драгунских полков активно готовились и к действиям в пешем строю. Все эти обстоятельства, а также масса иных факторов несомненно не могли не учитываться при переформировании кавалерии. В результате реформ предполагали получить ее качественно новый состав. Изменялись структура, состав, численность, штаты, сокращалось большое количество штабных структур. Значительное внимание уделялось доведению до штата оставляемых в строю полков.

Переформированию подлежали 16 кавалерийских дивизий. Ликвидировались конно-егерские полки. Кирасиры, уланы, гусары получили полки 8-эскадронного состава, драгуны 10-эскадронно-

31 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 48–117.

32 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–1 об. (О преобразовании кавалерии).

33 Брик Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 249.

34 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–1 об.

го, причем 9-й и 10-й эскадроны драгунских полков были вооружены вместо ружей пиками и карабинами, что предполагало, что они смогут, по образцу уланских эскадронов, служить для обеспечения действий остальных эскадронов в пешем строю³⁵.

Позволим себе остановиться более детально на реформировании кавалерии, чтобы этим примером проиллюстрировать сложность, масштабность и продуманность реформы. Вначале рассмотрим ход переформирования драгунских дивизий, которые вошли в новый 3-й Резервный кавалерийский корпус. На момент реформирования он находился в Поднепровье и Центрально-Черноземном районе.

Для приведения 1-го Московского драгунского полка в штатный состав на квартиры в окрестности г. Ромны направлялись: 1-й дивизион и запасной эскадрон упраздняемого Северского конно-егерского полка, 5-й эскадрон Тираспольского конно-егерского полка, и наконец, 1/2 запасного эскадрона Польских улан. Маршруты переброски составляли от 146 до 218 верст. Сходные расстояния приходилось преодолевать частям, запланированным для приведения в новый штат других полков 1-й драгунской дивизии: 2-го Каргопольского, 3-го Кинбурнского, 4-го Новороссийского. Из них в более сложном положении находился Новороссийский полк. Если до своих новых квартир в Пирытине 1-му дивизиону упраздняемого Нежинского конно-егерского полка и его запасному эскадрону было каких-то 152 версты, то 5-й эскадрон Арзамасского полка должен был преодолеть 328 верст³⁶.

По принятым нормам переброски войск, все преобразование занимало от недели до двух. Переходы планировались от 18 до 35 верст в день, при 2 дневках на 5 дней марша. В то же время части 2-й Драгунской дивизии, находившиеся в районе Оскол-Короча-Белгород-Вилуйки, имели больше времени на переформирование.

К примеру, для переформирования 6-го Александра Герцога Вюртембергского драгунского полка, размещенного в Короче, назначался не только 3-й дивизион короля Вюртембергского полка, который находился за 94 версты в Тиме, но и 6-й эскадрон Татарского уланского полка, базировавшегося за 525 верст в Киевской губернии³⁷.

Еще более сложную техническую задачу представляло создание по новому штату семи легких кавалерийских дивизий, которые включались в состав Гренадерского и формируемых Пехотных корпусов нового состава. Так, в состав легкой кавалерийской дивизии 1-го Пехотного корпуса включались Сумской и Клястицкий гусарские, Санкт-Петербургский и Курляндский уланские полки.

Если 2-й Клястицкий гусарский полк перемещался всего лишь из Вилькомира в Россиены за 120 верст, то направленный в его состав 1-й дивизион Черниговского конно-егерского полка должен

был из Кременчуга преодолевать 1144 1/2 версты походным порядком. В куда худшем положении находились уланские полки. Так, Санкт-Петербургские уланы, осуществив переход из Бердичева в Паневеж в 812 верст, должны были одновременно принять имущество и личный состав 1-го дивизиона Польского уланского полка, размещенного в Ставищах, откуда до Паневежа считалось 957 верст³⁸.

Вызывает восхищение продуманность и профессионализм плана перемещений, максимальный учет традиций реформирования полков, стремление создать равноценные сбалансированные части и соединения. Так во 2-й Легкой кавалерийской дивизии, как и в 1-й Легкой кавалерийской дивизии, один гусарский полк — Елисаветградский, сохраняет свое изначальное место базирования в Ленчице Царства Польского. В то же время Лубенские гусары из Паневежа, уступая свой квартирный район Санкт-Петербургским уланам, перемещаются на 670 верст к 1-му дивизиону Иркутского гусарского полка в Петриков, включая его в состав полка³⁹.

Таким образом, в любой момент преобразования конницы штаб дивизии, и соответственно корпус, сохранял в своем распоряжении мобильное кавалерийское ядро, способное, хоть и временно в более ограниченном объеме, к выполнению боевых задач. Достаточно легко прослеживается и стремление к рачительному использованию имущества, к экономии средств, но при этом ни на минуту не забывается о поддержании боеспособности частей. Мы можем также говорить об определенном уравнивании проблем между руководством всех легких кавалерийских дивизий. Примерно одинаковое количество их состава перемещалось в среднем на примерно одинаковое расстояние. Хотя, несомненно, большее внимание уделялось частям в Западном регионе, объединенным в Действующую армию.

Оценивая масштаб преобразований, сложно согласиться с тезисом о каком-то гипотетическом страхе. В течении двух лет происходило последовательное преобразование войск, значительное сокращение числа частей и соединений, что всегда приводит к временному снижению боеспособности. При переформировании кавалерии свои квартиры сменили более половины остававшихся полков и несколько сот отдельных подразделений. Такая переброска позволила уточнить оптимальные маршруты следования, провести учет имущества и конского состава, избавиться от сверхштатных вещей, что повысило мобильность войск⁴⁰.

В результате количество кавалерийских полков уменьшилось на 12, ликвидировались конно-егерские и гусарские дивизии. Уланских дивизий оставалось всего 2 в составе Резервных Кавалерийских корпусов. В связи с новой организацией армейская кавале-

35 Там же. Л. 2–9 об.

36 Там же. Л. 21–21 об.

37 Там же. Л. 21 об.–31 об.

38 Там же. Л. 32–32 об.

39 Там же. Л. 32–34.

40 Там же. Л. 50–224.

рия как бы разделилась на 2 части. Первую часть составили легкие кавалерийские дивизии нового состава и формирования. Их штабы были организовывались на базе штабов гусарских и уланских дивизий. 1-я бригада состояла в легкой дивизии из двух гусарских полков, 2-я — из двух уланских. Каждая такая дивизия входила в состав армейского корпуса и принимала его номер, с первого по шестой. Седьмая дивизия была включена в состав Гренадерского корпуса. Постоянный состав дивизий, подчинение их непосредственно командиру корпуса, давали возможность наладить взаимодействие пехотных и кавалерийских частей.

Помимо этого, создавался мощный стратегический ударный кавалерийский кулак для использования на решающих направлениях — Резервные кавалерийские корпуса. В состав 1-го и 2-го Резервных кавалерийских корпусов вошли, соответственно, 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, 2-я кирасирская и 2-я уланская дивизии. Третий корпус, как уже отмечалось, объединил 1-ю и 2-ю Драгунские дивизии. Впоследствии на временной основе был сформирован Смешанный кавалерийский корпус. Его образовывали 5-я легкая дивизия и придаваемая корпусу одна из легких дивизий, ближайших от места базирования⁴¹.

В реформировании кавалерии военные специалисты творческие развили передовые принципы организации и применения кавалерии на поле боя, сложившиеся в эпоху Наполеоновских войн, учли опыт грозной стратегической конницы Мюрата, а также продолжили традиции русской конницы.

Вызывает интерес и размещение Резервной кавалерии. Как рачительный хозяин, Николай I стремился извлечь максимальную выгоду: Резервные корпуса помещались в округа военных поселений кавалерии, которые использовались как район базирования, что было экономически целесообразно. В принципе, такое сосредоточение конницы соответствовало общему стратегическому размещению войск. Очевидно, что наиболее эффективно крупные кавалерийские массы могли использоваться на Юго-Западном и Западном направлениях.

На несколько иной основе проходило переформирование бывшего Первого Резервного корпуса. Ему снова вернули название Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса. При его переформировании, как и при реформировании гвардейской пехоты, прежде всего учитывались особенности и традиции гвардии. К кавалерии был причислен и Жандармский полк, состоявший из 6 действующих и одного резервного эскадрона⁴².

Как отмечалось выше, с принятием положения 1 марта 1833 года началась громадная работа по переформированию и передвижению

41 ПСЗ II. Т. VIII. № 6065. П. 1–23. Положение о преобразовании кавалерии.

42 ПСЗ II. Т. VII. № 5383. О преобразовании гвардейской кавалерии.

полков. Она осуществилась в основном к весне 1834 года. Лишь на некоторое время переформирование 2-й и 3-й легких дивизий было задержано обострением весной 1833 года ситуации в Польше⁴³. Общим местом в работах военных специалистов 19 века стало уважительное отношение к российской кавалерии эпохи Николая I после преобразования начала 1830-х годов, они считали, что ни до этого времени, ни впоследствии кавалерия не поднималась до такого уровня. Позволим себе цитату: «Вообще нужно сказать, что в 30-летнее царствование императора Николая конница была доведена до высокой степени совершенства его личными трудами. Что только было в его силах, то он сделал для своей армии»⁴⁴.

Вслед за пехотой и кавалерией подверглась переформированию и вся артиллерия. Ее переформирование началось с осени 1833 года. Происходило как бы наращивание потока преобразований. В то же время заметна последовательность в том, как начиналось реформирование: пехота → кавалерия → артиллерия. Это давало возможность контролировать ход процесса, учитывать приобретенный опыт. Однако завершение реформирования строевой части войск завершилось практически одновременно.

В результате преобразования артиллерии получилось семь корпусов (Гренадерский и шесть Пехотных). Полевая артиллерия в свой состав включала артиллерийскую дивизию из 3-х артиллерийских бригад. Они придавались пехотным и гренадерским дивизиям. Батареи приводились в 8-орудийный состав. Но если каждая артиллерийская бригада в Гренадерском корпусе состояла из 2-х батарейных батарей и 2-х легких батарей, резервной батареи и Подвижного парка, то в пехотных корпусах такой состав имели только первые бригады. Вторые и третьи бригады получили одну батарею и 3 легких батареи⁴⁵.

Всего пешая полевая артиллерия, исключая кавалерийские корпуса, получила 31 батарею и 54 легких батареи, объединенные в 21 бригаду и 7 артиллерийских дивизий⁴⁶. К ним организационно примыкала 19-я артиллерийская бригада, изначально сформированная для Войск в Финляндии находящихся и не входившая в состав артиллерийских дивизий. Всего в полевую пешую артиллерию вошло 132 батареи с 704-мя орудиями и 22 подвижных запасных парка⁴⁷.

Достаточно мощная артиллерия придавалась коннице. При каждой из семи легких кавалерийских дивизий состояло по 2 легкие батареи,

43 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 223–226 об.

44 Брикс Г. Указ. Соч. С. 268.

45 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–96 об. (О переформировании артиллерии в 1833–1834 гг.)

46 Там же. Л. 2 об.–4.

47 Там же. Л. 2–4 об., 12–15.

три Резервных кавалерийских корпуса получили 4 батарейные и 8 легких батарей, 9 батарей половинного состава вышли в конно-артиллерийский резерв. Всего конная артиллерия объединяла 35 батарей с 280 орудиями. Батареи конной артиллерии в бригады не сводились⁴⁸.

Отличный от других состав получила артиллерия Гвардейского корпуса. Каждая пешая бригада состояла из двух батарейных и одной легкой батареи, всего 6 батарейных и 3 легкие батареи с 72 орудиями. Гвардейскую кавалерию должны были поддерживать батарейная и 3 легких батареи — 32 орудия. Всего гвардейская артиллерия в мирное время состояла из семи батарейных, шести легких, трех резервных батарей, получивших в свой состав 104 орудия⁴⁹.

С общеармейской унифицировалась и организация артиллерии отдельного Кавказского корпуса. Но в составе его артиллерийской дивизии кроме четырех батарейных и восьми легких батарей с 96 орудиями в боевой состав приводились 3 резервные батареи, 2 из которых вооружались горными орудиями⁵⁰.

Всего в штатный состав артиллерии: полевой, конной, гвардейской, Отдельного Кавказского корпуса — мирного времени, предназначалось 195 батарей с 1208 орудиями. Организационно они сводились в 8 артиллерийских дивизий и 25 бригад⁵¹. В то же время создавалась стройная система подготовки специалистов для артиллерии. Существующие резервные батареи давали возможность наращивать мощь русской артиллерии в случае необходимости. Проводилась большая работа по унификации калибров и улучшению снабжения войск боезапасами.

Таким образом, в результате реформирования и реформирования войск в российской армии окончательно утвердилась корпусная система. Корпуса, введенные в организационную структуру накануне войны 1812 года, получили стабильный состав, объединили в своем составе пехотные, кавалерийские и артиллерийские дивизии, различные части и учреждения, подлежащие ведению штаба корпуса. Пехотные корпуса превратились в мощные формирования с постоянным составом. Они имели возможность самостоятельно действовать на театре военных действий, упрощая руководство со стороны Главного штаба⁵².

Одновременно подвергались реорганизации резервные и запасные части. Также принимались меры к созданию кадров Государственного подвижного ополчения⁵³. Численность необходимых ре-

зервных частей на случай войны определялась в 186 батальонов и 88 эскадронов⁵⁴.

Впервые в русской истории в 1834 году заблаговременно предусматривалось, на случай европейской войны, создание в мирное время Действующей армии, в составе Гренадского и трех пехотных корпусов, поддерживаемых 1–2 Резервными кавалерийскими корпусами, снабженных мощной артиллерией. Считалось, что для выполнения союзнических обязательств и для первого эшелона достаточно 180 батальонов, штатной численностью 170 тысяч пехоты, 256 эскадронов в составе 35 тысяч кавалеристов, поддержанных 160 тяжелыми и 384 легкими орудиями, из расчета 2,65 орудия на 1000 человек. Общая численность такой армии достигла бы 225–250 тысяч⁵⁵.

Создание резервов стало возможным в результате появления значительного количества отпускных нижних чинов. С принятием 30 августа 1834 года «Правил о бессрочно-отпускных» срок службы в армии определялся в 20 лет, в гвардии в 22 года. При этом служба в действующих войсках составляла 15 лет, с переводом в резерв на 5 лет при условии беспорочной службы. Нижние чины увольнялись в бессрочный отпуск в гвардии на 2 года, а в армии на 5 лет, после чего выходили в отставку⁵⁶. Были приняты решительные меры по улучшению снабжения войск, их расквартированию⁵⁷.

В целом по продуманности, планомерности, масштабу в истории России сложно найти аналог реформам николаевского времени, в том числе концентрированным преобразованиям армии 1831–1836 годов. В то же время вся военная политика Николая I заслужила следующей оценки специалиста: «Вообще русская армия за его 30-летнее царствование сделала огромные шаги вперед. Европейские формы, которые до него казались как бы только наружно приклеенными, вошли при нем в плоть и кровь русской армии, и если борьба, разыгравшаяся в последние годы его царствования против четырех держав, и не окончилась успешно, то самая продолжительность ее, в сущности незначительный для союзников результат доказывают качества и значение мероприятий этого незабвенного государя, который жил только для своей страны и для своей армии»⁵⁸.

54 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18027. Л. 157–227.

55 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 29; Д. 22. Л. 19–19 об.

56 ПСЗ II. Т. IX. № 6864. Положение о бессрочноотпускных нижних чинах.

57 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–12 (Об округах продовольствия войск).

58 Брик Г. Указ. Соч. С. 250.

48 Там же. Л. 3, 15–17 об.

49 Там же. Л. 1–1 об.

50 Там же. Л. 4–4 об.

51 Подсчитано на основании: РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 22.

52 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 29. О новом составе армии.

53 См.: Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в Вооруженных силах России, 1806–1850. Свердловск, 1961.